

(1) В первую очередь Пелагея сходил в тёмную, без света, боковушку, вынесла небольшую рамку с фотографиями. (2) Она дрожащими пальцами потрогала стекло в том месте, где была вставлена крошечная фотокарточка с уголком для печати. (3) На снимке просматривались одни только глаза да ещё солдатская пилотка, косо сидевшая на стриженной голове. (4) Вот-вот истают с этого кусочка бумаги последние человеческие черты, подёрнутся жёлтым налётом небытия. (5) И даже память, быть может, всё труднее, всё невернее воскрешает далёкие, годами застланные черты. (6) И верным остаётся только материнское сердце.

(7) Хозяйка взяла со стола рамку, опять отнесла её в тёмную боковушку и, воротясь, подытожила:

— Четверо легло из нашего дома. (8) А по деревне так и не счесть. (9) Ездил я года два назад поискать папину могилку. (10) Сообщали, будто под Великими Луками он. (11) Ну, поехала. (12) В военкомате даже район указали.

(13) И верно, стоят там памятники. (14) Да под которым наш-то? (15) Вечная слава, а кому — не написано. (16) А может, и не под которым. (17) А Лёша наш до сего дня без похоронной... (18) Одна мама всё надеется...

(19) Тут подала голос старуха, тронув дядю Сашу за руку, попросила:
— Сыграй, милый, сыграй.

(20) И, глядя вниз, на свои пальцы, что уже лежали на клавишах, выждав паузу, он объявил, разделяя слова:
— Шопен, соната... номер... два...

(21) Пелагея, для которой слова «соната», «Шопен» означали просто музыку, а значит и веселье, при первых звуках вздрогнула, как от удара. (22) Она с растерянной улыбкой покосилась на старуху, но та лишь прикрыла глаза и поудобнее положила одну на другую сухие руки.

(23) Звуки страдания тяжко бились, стонали в тесной горнице, ударялись о стены, об оконные, испуганно подрагивающие стёкла. (24) Когда была проиграна басовая партия, вскинулись, сверкнув, сразу три корнета, наполнив комнату неутешным взрыдом. (25) Старуха, держа большие тёмные руки на коленях, сидела неподвижно и прямо. (26) Она слышала всё и теперь, уйдя, отрешившись от других и от самой себя, затаённо и благостно вбирала эту скорбь и эту печаль раненой души неизвестного ей Шопена таким же израненным сердцем матери.

(27) И дядя Саша вспомнил, что именно об этой великой сонате кто-то, тоже великий, сказал, что скорбь в ней не по одному только павшему герою.

(28) Боль такова, будто пали воины все до единого и остались лишь дети, женщины и священнослужители, горестно склонившие головы перед неисчислимыми жертвами...

(29) И как проливается последний дождь при умытом солнце уже без туч и тяжёлых раскатов грома, так и дядя Саша повёл потом мелодию на своём корнете в тихом соупутствии одних только теноров: без литавр, басов и барабанов. (30) Это было то высокое серебряное соло, что, успокаив

ая, звучало и нежно, и трепетно, и выплаканно, и просветленно. (31) Печаль как бы истаивала, иссякала, и, когда она истончилась совсем, завершившись как бы лёгким вздохом и обратись в тишину, дядя Саша отнял от губ мундштук.

(32) Старуха наконец встала и поковыляла одна, шаркая подшитыми валенками.

— (33) Ну вот и ладно... — проговорила она. — (34) Хорошо сыграли... (35) Вот и проводили наших... (36) Спасибо.

...(37) Музыканты шли к большаку непроглядным ночным бездорожьем. (38) Всё так же сыпался и вызванивал на трубах холодный невидимый дождь, всё так же вязли и разъезжались мокрые башмаки. (39) Шли молча, сосредоточенно, перебрасываясь редкими словами, и старшой слышал близко, сразу же за собой, тяжёлое, упрямое дыхание строя. (40) Как тогда, в сорок третьем...

(По Е. Носову)

Евгений Иванович Носов (1925—2002 гг.) — русский писатель, участник Великой Отечественной войны.

Из предложений 1—3 выпишите ОДИН фразеологизм.